

Всего за час история о произошедшем у реки разлетелась по всему переулку Фужун.

Теперь все знали: тот самый Гао Люй, который никогда не следил за своим языком и любил перемывать кости соседям, вместе с двумя такими же сварливыми родственницами, довел до слез невестку из семьи Вэй и обидел гера из семьи Цинь. Говорили, что невестка из семьи Вэй рыдала так горько, что едва могла перевести дух, а Юй Цзюцюэ и вовсе от обиды упал в обморок!

Многие видели, как Цинь Ся, бледный и встревоженный, нес потерявшего сознание Юй Цзюцюэ в медицинский зал.

Хотя жители переулка Фужун нередко судачили о Цинь Ся за закрытыми дверями, поговаривали и о непонятном прошлом Юй Цзюцюэ, предполагая, что он мог быть не из хорошей семьи. Но такие разговоры всегда велись шепотом, в семейном кругу. Никто раньше не осмеливался открыто нападать.

— Цзю-гер — человек семьи Цинь, а не сын или муж Гао Люя. Зачем ему в это вмешиваться? — роптали соседи.

Когда стало известно, что Юй Цзюцюэ попал в медицинский зал, переулок буквально взорвался пересудами. Каждый норовил вставить свое слово, и Гао Люй вмиг оказался козлом отпущения.

□□——

Когда они вернулись из медицинского зала Чэнъитан, небо уже окутала густая тьма.

Старый доктор Сюй успел поставить Юй Цзюцюэ иглоукалывание, благодаря чему тот пришел в себя, но все еще выглядел слабым. Цинь Ся нес его на спине весь путь до дома, где уложил в постель и укрыл.

Доктор Сюй посоветовал не злиться попусту и избегать перенапряжения. Обморок был вызван сильным нервным потрясением, но серьезных проблем со здоровьем он не обнаружил. Также доктор заменил предыдущий рецепт на новый, подходящий к текущему состоянию.

Юй Цзюцюэ чувствовал глубокую вину. Он всего лишь хотел проучить Гао Люя, но не ожидал, что его организм так подведет. Обычный удар палкой, и он потерял сознание. Это не только заставило Цинь Ся переживать и метаться, но наверняка сильно напугало и соседку Цао Ашуан.

По дороге домой он извинился перед Цинь Ся:

— Мне не следовало создавать тебе столько хлопот.

Но Цинь Ся возразил с серьезным видом:

— Этот случай произошел из-за Гао Люя, это он принес проблемы к тебе, а не наоборот. И ты поступил очень сдержанно.

Тем не менее внутри Цинь Ся все кипело. Он был готов собственноручно бросить этого старого болтуна Люя в реку, чтобы угомонить!

В доме долгое время было тихо и пусто. Когда они наконец вернулись, Дафу не выдержал и громко позвал из клетки. Цинь Ся, наконец освободив руки, выпустил его.

— В кастрюле варится бараний суп, — обратился он к Юй Цзюцюэ, который сидел, прислонившись к изголовью кровати. — Он уже почти готов. Разогрею, и можно будет поесть. Хочешь?

Изначально вечер обещал быть уютным: они могли бы сидеть в тепле, вдвоем, наслаждаясь бараниной, супом и глотком горячего желтого вина. Но теперь все свелось к «больничному меню».

Юй Цзюцюэ действительно проголодался. Еще в медицинском зале он проснулся в холодном поту и с дрожащими руками. Старый лекарь Сюй велел помощнику принести ему сладкую воду, которая немного помогла.

— Я съем, что угодно.

— Тогда я подогрею суп и добавлю туда лапшу. Горячее и сытное, съедим по несколько чашек.

Перед уходом Цинь Ся прихватил с собой и Дафу. Этот маленький товарищ тоже уже давно проголодался, поэтому он решил покормить его на кухне.

Отложенный ужин оказался все равно невероятно вкусным. Баранина полностью раскрыла свой вкус в супе: бульон был белоснежным, но не жирным; мясо нежным и рассыпчатым, без малейшего запаха. Лапша, мягкая и скользкая, впитала вкус бульона. Каждая ложка согревала изнутри, изгоняя холод до самых глубин.

Цинь Ся первым попробовал чистый бульон, убедившись, что вкус в порядке, после чего добавил в свою чашку гору перца. Суп превратился в ярко-красное изобилие, от которого он ел с особым удовольствием.

Юй Цзюцюэ, держа свою чашку, постепенно почувствовал тепло: на его носу выступила капля пота, а на щеках появился румянец. У него была собственная большая фарфоровая морская чашка, которую Цинь Ся купил специально для него. Такие чашки обычно использовались в ресторанах, чтобы подавать супы. Объем этой чашки был равен трем обычным.

Цинь Ся помнил, как в первую ночь Юй Цзюцюэ съел целых пять чашек лапши — явный рекорд. Однако теперь он знал, что это было из-за сильного голода. В обычные дни Юй Цзюцюэ ел по четыре чашки, что тоже звучало внушительно, но Цинь Ся к этому уже привык.

— Наелся? Если что, лапша еще осталась, могу добавить.

Юй Цзюцюэ, вытирая рот платком, покачал головой:

— Уже очень сыт.

Сейчас он не лгал о еде, ведь Цинь Ся все равно легко его раскусил бы. Убедившись, что тот действительно наелся, Цинь Ся начал убирать посуду.

После ужина он остался на кухне, чтобы одновременно кипятить воду и готовить лекарство. Сегодня они оба вспотели, а в последний раз они тщательно мылись несколько дней назад. Хотя в их условиях это было не так просто, Цинь Ся уже не мог мириться с этим и решил устроить ванну.

Когда большая кастрюля с водой закипела, Цинь Ся перенес в главную комнату большой таз для купания, а следом — горячую и холодную воду для смешивания. Юй Цзюцюэ был слишком слаб, чтобы принимать полноценную ванну, поэтому Цинь Ся подготовил для него отдельный таз, чтобы он мог хотя бы обтереться.

Дафу тоже получил свою собственную маленькую емкость с водой. Как только Юй Цзюцюэ посадил гуся в таз, тот тут же начал брызгаться и плескаться, будто все понимал без слов. Юй Цзюцюэ долго наблюдал за ним, улыбаясь, но вскоре его взгляд сместился к закрытой деревянной двери.

Цинь Ся, чтобы избежать неловкости, уединился в главной комнате для купания. Хотя с момента их свадьбы прошло уже почти две недели, отношения между ними оставались отчужденными. Возможно, только они двое могли так долго избегать близости.

Вспомнив недавние наставления старого доктора Сюя из зала Чэнъитан, Юй Цзюцюэ почувствовал, как уши начали гореть. Он все еще не мог вступить с Цинь Ся в полноценные супружеские отношения и не знал, когда сможет исполнить слова Фан Жун и подарить Цинь Ся ребенка, чтобы продлить род Цинь.

Проведя рукой по своему животу, наполненному супом, он с легким разочарованием начал раздеваться, чтобы помыться.

□—

Утром следующего дня из дома семьи Цинь доносился соблазнительный сладкий аромат.

Цинь Ся смешал пшеничную муку с небольшим количеством муки из клейкого риса, замесил тесто и оставил его настояться. Затем добавил мед, яйца и чуть-чуть масла, дал тесту подняться второй раз, после чего посыпал его нарезанными кусочками красного финика, грецкого ореха и изюма, и поставил в пароварку.

Сладкий запах выплывал из кухни, дразня соседских детей.

— Мама! Как вкусно пахнет! Я хочу сладкий пирог!

— Какой пирог? Ешь свою лепешку из кукурузной муки!

Непослушные дети тут же начинали плакать.

Когда Цинь Ся, дождавшись нужного времени, открыл крышку пароварки и вынул горячий пирог, он быстро нарезал его. На разрезе сладкий пирог был покрыт мелкими отверстиями, как пчелиные соты. Именно поэтому это блюдо, приготовленное с медом, называлось фэнгао — пчелиный пирог.

Судьбы семьи Цинь Ся оказались удивительно схожими с судьбой первоначального хозяина этого тела. Бабушка прежнего хозяина тела была поварихой, а у Цинь Ся кулинарный талант передался по линии матери и бабушки. Его бабушка по материнской линии часто с улыбкой говорила, что это искусство следует передавать только дочерям, а не сыновьям.

В отличие от дедушки и бабушки, живших в деревне, семья матери Цинь Ся жила в том же городе, что и его родители. Когда Цинь Ся болел в детстве, бабушка всегда готовила ему этот пирог. Для него это был вкус выздоровления, сравнимый с консервированными персиками, которые многие предпочитают при болезни.

Он давно не пробовал этот десерт, но почему-то с прошлого вечера захотел приготовить его для Юй Цзюцюэ.

В этот раз он сделал много пирога: одну часть оставил для семьи, а другую собрался отнести в соседний дом семье Вэй, чтобы немного успокоить Цао Ашуан после вчерашних событий. Ведь вчерашние неприятности были на самом деле направлены на него и Юй Цзюцюэ, а Цао Ашуан пострадала из-за них. К тому же, как сказал Юй Цзюцюэ, сестра Шуан проявила к нему немало заботы, и они должны отблагодарить ее за это.

Отрезав кусочек пирога, чтобы Юй Цзюцюэ мог тут же попробовать, Цинь Ся положил две большие порции в глубокую чашку, накрыл ее чистой тканью для паровой корзины и отправился к дому семьи Вэй.

Дверь открыл Вэй Чао, муж Цао Ашуан.

— Старший брат Вэй, — поприветствовал его Цинь Ся.

Обе семьи были многолетними соседями и прекрасно знали друг друга. В детстве Вэй Чао и прежний хозяин этого тела даже играли вместе, но с годами их пути разошлись, особенно когда первоначальный Цинь Ся стал вести себя все хуже. Со временем, после смерти родителей и бабушки с бабушкой Цинь Ся, даже их близкое соседство перестало связывать семьи.

Теперь же, из-за событий, связанных с женой Вэй Чао, между семьями вновь начала налаживаться связь. Вэй Чао догадывался, что Цинь Ся пришел из-за вчерашнего инцидента, но в глубине души не хотел с ним слишком сближаться. Более того, он неоднократно убеждал жену держаться подальше от Цинь Ся и его гера Юй Цзюцюэ, рассказывая о прежних скандальных поступках Цинь Ся. И ведь действительно, не прошло и нескольких дней, как тот вновь оказался в центре неприятностей.

Тем не менее, Цинь Ся не пришел с пустыми руками, и закрыть дверь перед ним было бы просто неприлично.

— Если бы не помощь сестры Цао, которая вовремя позвала людей и сообщила о случившемся, я бы не успел доставить А-Цзю в медицинский зал, — начал Цинь Ся с вежливым поклоном. — Вот, это немного сладких медовых пирогов, что я приготовил дома. Пусть это будет знаком благодарности. Прошу, старший брат Вэй, прими их с улыбкой.

Вэй Чао взглянул на пирожные, потом на Цинь Ся, и удивление мелькнуло на его лице. Неужели он ослышался? Настолько вежливые и изысканные слова исходили из уст Цинь Ся? Не иначе, как солнце сегодня взошло на западе.

Он уже было подготовил пару холодных фраз, чтобы сразу пресечь возможные попытки Цинь Ся навязаться, но те оказались совершенно не к месту. Немного запнувшись, он ответил:

— Ну что ты, такие слова ни к чему. В такой ситуации никто бы не остался в стороне. Но эти твои сладости... Мы ведь...

Цинь Ся не стал дожидаться отказа и просто всучил пироги Вэй Чао. Тот почувствовал приятную тяжесть блюда — пироги оказались довольно плотными, а запах был таким аппетитным, что уже манил попробовать. Времена нынче были не из легких: сладости, сделанные из очищенной муки и сахара, были настоящим лакомством, которое позволяли себе только по праздникам.

Но Цинь Ся теперь уже не был прежним. Он понимал, что близкие соседи важнее дальних родственников. Любая возможность наладить отношения с соседями была для него ценна. Особенно сейчас, когда у него было дело, в котором он рассчитывал на помощь Вэй Чао.

— Я как раз собираюсь после завтрака навеститься в дом семьи Гао. Старший брат Вэй, не

хочешь пойти со мной? — предложил Цинь Ся.

Он уже твердо решил: нельзя позволить семье Гао думать, что этот вопрос можно оставить без последствий.

*Пчелиный пирог □□□□

<http://bllate.org/book/13601/1206021>